

Русский Телеграф,
— 1998. — 21 янв. — с. 10

Очень ничего

В издательстве «Вагриус» вышла
новая книга Виктора Пелевина

● Новую книгу Пелевина я купил еще в 1997 году, где-то под католическое Рождество. Открывать ее было столь же приятно, как завтрашнюю газету. Чувство такое, будто глядишь на соплеменников через плечо из своего персонального, досрочно пришедшего будущего: эй, вы еще там? А я уже тут! Человек, который не видит, чему тут радоваться, и вообще не одобряет подобного самолюбования, по своему совершенно прав. Я завидую этому человеку, я восхищен его моральной непреклонностью. Но удовольствия от прозы Виктора Пелевина он не получит — а с хорошей прозой, предназначенной для читательского удовольствия, у нас не густо.

Читателю Пелевина с самого начала приходится поступиться принципами. Какими — да какие бы ни были: автор с одинаково последовательной несерьезностью относится к естественному отбору, классовой борьбе, причинно-следственной логике и т.п. Нагорную проповедь Пелевин, кажется, вообще терпеть не может (именно потому, что есть вещи, к которым волей-неволей приходится относиться все-р-ез) и предпочитает ей коаны секты Дзен. Это не значит, что Пелевин верит в Будду — я поостерегся бы в данном случае употреблять само слово «верит». Он гурман, остроумец и, по необходимости, поверхностный мистик — ясное дело, я сужу по книгам и говорю исключительно об авторе. Личные свойства и убеждения гражданина Пелевина меня никогда не интересовали.

Сборник «Желтая стрела» = 27 печатных листов = 3 повести + 19 рассказов, в большинстве своем новых. Даты в книге не проставлены, и это хорошо: без них удобнее вглядываться в сквозной сюжет пелевинской прозы.

Оказывается, он знаком до боли: это сюжет немыслимого бегства из дурно устроенного мира, варьирующийся так и эдак. Мир может выглядеть как уютно: как слоеный пирог из гражданской войны с современным дурдомом (предыдущая книга Пелевина, роман «Чапаев и Пустота»), как гибрид бюрократической машины с компьютерной игрой («Принц Госплана»), как бройлерный комбинат для мыслящих пернатых («Затворник и Шестипалый»), как грязный и ободранный поезд, неторопливо везущий пожизненных пассажиров («Желтая стрела») — ясно одно: жизнь здесь отвратительна, однообразна, бессмысленна, и надо бежать. Ясно также, что бежать некуда. А ведь надо. А ведь все равно некуда. А ведь все равно надо.

Куда ни глянь — везде одно и то же. И Пелевин, с присущим ему настойчивым остроумием, декларирует: этот мир, похожий на бред имбецила, не может быть настоящим. Он только отделяет людей или хотя бы одного человека (разумеется — меня) от настоящего мира. Надо что-то делать.

Если жизнь — игра, надо завершить программу и выйти в DOS. Если ты бройлерный цыпленок, учишься летать. Если тебе надоело ехать в поезде, останови время и спрыгни с поезда. Стоит заметить мимоходом, что Пелевин нарочно берет в работу самые потертые и затрепанные литературные эмблемы, переиначивает, наводит новый лоск: словно бы показывает, как легко можно справиться со злейшим врагом писателей, штампом. И с другими врагами — тоже несложно.

Допустим. А дальше что?

Тут автор либо тушует, либо начинает нести программную ахинею насчет сверкающих тронов во Внутренней Монголии («Чапаев и Пустота» — самое декларативное и поэтому самое неубедительное из пелевинских сочинений). Поступить иначе агностик и постмодернист Пелевин не в силах — хотя бы по партийным соображениям. Впрочем, вспомним: ведь и Достоевский остерегся описывать духовное возрождение Родиона Раскольникова, ведь и пушкинский Председатель остался пребывать в глубокой задумчивости...

Отказ (или неумение) пожинать плоды духовной победы — вещь вполне традиционная для героев русской литературы. Это не снимает вопроса «что дальше?», но делает его до известной степени риторическим. Если Пелевину удобней думать, что дальше — некое прекрасное Ничего, это в конце концов его писательское дело. Порадоваться тому, что из Ничего вышло нечто — весьма занимательное и удобное — мое дело. А убедиться в том, что все-таки дальше Кое-что имеется, я, например, могу, еще раз взглянув на выходные данные «Желтой стрелы».

В. Пелевин. Желтая стрела. М.: Вагриус, 1998

АЛЕКСАНДР СОКОЛЯНСКИЙ